

с. 1.

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

«Русская Мысль» и «Русское Богатство». — Декабрь.

I.

Еще одно последнее сказание — и литературный год будет окончательно списан нами со счета.

Для заключительного обзорательского аккорда в нашем распоряжении имеются две книжки ежемесячных журналов «Русской Мысли» и «Русского Богатства», которыми в течение года отводилось довольно широкое место на страницах нашей газеты. Последняя книжка «Рус. Мысли», по обыкновению, вышла в увеличенном объеме, но беднотистика занимает в ней второстепенное место, уступая место статьям научного и публицистического характера, заметкам, напутствиям, статьям: «Очерки науки о мыслях» Д. Н. Осипово-Будникова, «Социология, как наука и как предмет преподавания во Франции» В. В. Иванова, «Местная власть и общие суды» П. Н. Обинского и другие.

Беднотистический багаж книги состоит из небольшого рассказа знаменитого провинциального читателя, сатирического автора цыганского ряда рассказов, вошедшего в ряды новеллы Заурала, Д. Н. Мамин-Сибиряка, «Озорник», повесть А. П. Чехова «Чайка», рассказы Н. А. Салова «Святая женщина» и переводного романа Поль Эрве «Арматура».

Рассказ Д. Н. Мамин-Сибиряка состоит из ряда довольно удачно скомпонованных этнографических и бытовых сцен из жизни переселенцев на случайно захваченных башкирских землях.

Строго говоря, рассказ «Озорник» не разрабатывает никаких конкретных бытовых и экономических вопросов, ни на что не претендует, а передается собственными Д. Н. Мамин-Сибиряку своеобразно-выразительными языком писально изложено из старинной будничной жизни Сибиряка — бабы, который держался на волах, был настоящим хозяином до той поры, пока была в живых жена.

Умерла жена, — этот величайший рычаль в крестьянской быту, — и все пошло прахом.

Итак, давно разорвал свое хозяйство, — какое же хозяйство был баба? — и не принимал участия в трудной судьбе своей деревни Раствани.

Другие рассказы в сборе, бабы готовили свои огорды, стараясь как-нибудь связать в страхе, в Сибиряке сидеть в своей каюте и ничего не хотеть жить. Рассказ как он не хуже других прочитал, а с женой умно все, что он был в каюте каюта в Сибиряке начал в разгар зимних деревенских зим, которых на Руси и без того достаточно.

Из сказки и бедноты он озорничает, т. е. караво воевать, озорничает, а подчас и дерется с соседями, знает Бог вьет

тять, немалое с башкирцами, и терять не может деревенских пухляков.

Особенно не выносит он Дуньку, красавицу-жену Степана, переселенца «из России». Один раз в своей каюте, здоровой, полнотелой женщины доводит Сибиряку-озорника до неистовства. При каждой встрече он принимается за надъязы и брань, хотя в то же время готов жизнь отдать, готов душу из себя вынуть по одному мановению руки Дуньки. Кипучая, затенная любовь полудикаря не находит исхода и превращается в нечто, близко граничащее с ненавистью. Одна из случайных встреч мифа роковая для Степана и для Сибиряки, для объекта его фидных сарказмов — Дуньки.

Вырываясь из желтых объятий Сибиряки, Дунька оставила головной платок, и этот то платок вызвал цыганскую бурю: бедную женщину жестоко избивали домашние, т. е. свекор, свекровь и муж, а Сибиряк-озорник достался в удел, по постановлению стариков, беззастенчивым розгам, чтобы не озорничал и не сбивал с пути мужиков жонь.

После наказания розгами, репутация Сибиряки окончательно понижалась, и когда со двора Степана, мужа Дуньки, увели тройку лошадей, его немедленно заподозрили в краже. Мало того, — по уговору стариков, решили известить вора своим судом, хотя Сибиряка был совершенно не причастен в кражу у Степана.

Однажды из изб «озорника» привалила цыганская толпа разъяренных мужиков, связала его, жестоко избивала и в таком виде доставила во двор Степана, где должен был произойти заключительный акт самосуда. Но тут Сибиряка напел: обзавав мужиков дураками, он предложил свои услуги по розыску украденных лошадей и, действительно, через три дня доставил их хозяину.

Однако, этот подвиг обошелся озорнику не дешево. Захватив порок в подл на ночлег, Сибиряка выдержал настоящий бой, а затея слезть и больше не встала. Как ни крепка, как ни вынослива была натура Сибиряки, но кулаки воинов оказались крепче, и бабы-озорника не стало.

Такова канва, на которой Д. Н. Мамин-Сибиряк вывел унылой рукой ярле, отдавшие жизненной правдой узоры.

Жизненная правда, верно схваченные типы и характеры, горячая, захватывающая читателя своим задумчивой искренностью, почти составляющие непринятый элемент почти всех произведений сатирического, талантливого автора, основательно изучившего народ и народный быт. Чрезвычайно важно также и то, что действующими лицами рассказов Д. Н. Мамин-Сибиряка сохраняют свою индивидуальность, свои духовные особенности, язык, мировоззрение, достоинства и недостатки. Чувствуется не кабинетное пронырство, не исключительно погоня за эволюцией, а genuine наблюдательность, постоянное добросовестное изучение действительной жизни, горячая любовь к делу, двигающая, как говорят, горани.

Неудивительно, поэтому, что такой в сущности незначительный житейский эпизод, как «Озорник», всецело овладевает вниманием читателя и проглатывается с живейшим интересом от первой и до последней строчки.

Хорошее впечатление производит также и миниатюрный рассказ Н. А. Салова «Святая женщина».

«Не дамнень и не новь-рассказ». Отчаянный кутила, женоловец, братер Ардабьев прожигает жизнь на всех парах, сорит деньгами на кутежи, путается с разными «штуками» и доводит тихую, протую, любящую жену, Клавдию Борисовну до того, что она находит себя вынужденной переселиться с двумя малолетними сыновьями на хутор отца.

В течение нескольких лет Ардабьев спускает все свое довольно значительное состояние и падает в буквальный смысл слова, сраженный параличем.

В этот-то трагический для бывшего кутилы момент выступает на сцену Клавдия Борисовна, с ее неоскудывающим запасом душевного тепла, всепрощения, любви. Все прошлое забыто, все описано со счета; ни одного намека на ненормальность бывших отношений, ни одного упрека. Жертва дурных наклонностей Ардабьева, ухаживавшая в глуши лучшие годы, красоту, молодость, превращается в сестру милосердия и отдаст мужу-паралитику весь жар любвеобильного, незнающего злобы и вражды, сердца. Рядом с этим Клавдия Борисовна выполняет и другой долг: она воспитывает и выводит на дорогу двух сыновей. Свой маленький рассказ автор заключает следующими сердечными строчками: «А все говорят, что жить в нас ни добрых матерей, ни жен. Слышать это мне приходилось неоднократно... Ишь, это неправда: он есть, только их не хотят замечать, так как в них нет ничего бросающегося в глаза и ничего рекламирующего».

К сожалению, настоящих жен и матерей или, как их называют авторы, «святых женщин» в современном обществе немного. Властно господствует, правит и владык «дама», для которой какой-нибудь рюшь дороже человеческой жизни.

В народ и в среднем сословии «жена» и «мать» неизменно существуют, но, Боже мой, что это за печальное, по большому числу, существование!

Их лишены всякой индивидуальности, придавлены, безразличны; он редко пользуются благами просвещения в том объеме, какой необходим для выполнения роли матери-воспитательницы; он часто лишены необходимых гражданских прав для защиты своих насущнейших интересов, и, угнетенная домашней тиранией, произволом, самодурством, непосильным трудом, сходя в предвечную временную могилу, непонятая, непонятная по достоинству, несогретая человеческой лаской.

А между тем, как нужны постепенно вч-

рождающемуся человечеству такая жема и матер!

Заканчивая на этом обзор последней книжки «Русской Мысли», считаю не лишним сказать несколько слов о новом драматическом произведении известного беллетриста А. П. Чехова «Чайка».

Комедия «Чайка» обошла все столичные сцены и вызвала целую газетную бурю, в которую трудно было уловить истину.

В то время, когда больше спокойная и больше объективная часть столичной печати отнесла новое произведение к удачным, другая часть предала его полному осуждению и похитила в рубрику безыдейных, шаблонных писаний.

«Русская Мысль», как бы отвечая на злобу дня, цитирует похитила на своих страницах комедию «Чайка», предоставляя читателям судить о ее достоинствах и недостатках.

Памятаю, что достоинства и недостатки данного драматического произведения в смысле техники протронулись только в зрительном зале, мы скажем несколько слов лишь об идеях пьесы и об ее отношении к жизни.

При самом поверхностном знакомстве с комедией, ей нельзя отказать ни в литературной обработке, ни в известной идейности, но то и другое заслоняется массой сухих, безжизненных мелочей, отдающих кабинетным догматизмом и вычурностью. О характере действующих лиц в голове читателя да, вероятно, и зрителя складывается крайне смутное понятие: что-то есть и чего-то нет.

В более точном определении эти «что-то» должны быть поняты так: есть наглухо закупоренное нутро, в котором бьется полтора десятка лич с рывками и без рывков, есть некрепкие желания автора озаконить общество с внутренним содержанием «закупоренного нутра», куда не проникает ни одна свежей струя, но нутро... содержания, т. е. в символической «Чайке» нет никакой чайки. В услады отжившего свои дни полупаразита Сорина гостит актриса Ирина Николаевна Аркадина с сыном Константином Гавриловичем Трелевым, вечно «попадающим надежды» молодой человек, и пользующийся известностью беллетрист Борис Алексеевич Тригорин.

Это, так сказать, три столба, на которых держится сооружение А. П. Чеховым здание, окруженное вниманием из порывистости, но совершенно безпредельной во всех смыслах дивы Нины Михайловны Зарьичи, врача Дорна, учителя Медвѣденко, поручика Швабрина и других фигур без лич, без характеров и с очень слабо очерченными отношениями к событиям, составляющим суть комедии.

Аркадина-примитивный талант и, как таковой, рывительно пытаясь не интересуется ни своей сферой, даже собственным символом, именуемым роль бремена всех этих миллионных противоречий и бесцельности литературных потуг. Впрочем, она интересуется беллетристством Тригорина, возит его за собой

в вид артистического багажа и рьяно оберегает от постороннего женского влияния.

Это достопамятное трио довольно безтолково мается перед читателями: то сбивается в кучу, то поспешно разбегается в стороны и нагоняет удручающий сплин. Аркадина резонерствует, Тригорин отмалчивается деревенно-шаблонными фразами об искусстве и литературе; Треплев страдает от недостатка ласки, участия, любви, как маньяк, непрерывно начинаешь то декадентские пьесы, то рассказы, рвет их на клочки и снова принимается писать, пылая неудержимой страстью к Нине Михайловне. Нина Михайлова и не прочь бы ответить на чувства Треплева, но она увлечена искусством: сценой, литературой,—она чувствует в себе «чайку», для которой мирная семейная жизнь, роль жены и матери—нравственная смерть, а потому вся затянута А. П. Чеховым, ужасно длинная и ужасно скучная в частностях история кончается драмой: победивший тяжестью противоречий и открытой любовью Нины к беллетристу Тригорину, сын Аркадиной, Треплев, пускает пулю в лоб, пускает, конечно, не на глазах зрителей, а за сценой, и завязь опускается.

На вопрос, что желает сказать обществу А. П. Чехов своей «Чайкой», ответить не трудно: он приподнимает завѣсу над своеобразным мирком *миллионов* и говорит, что и здесь, в этой сфере отвлеченных интересов, далеко не все обстоит благополучно и что жизнь, во всех ее проявлениях и явках, довольно-таки нехороша.

Такая истинная старая, как наш грешный мир, и повторение их требует не скучно-длинных комедий, а бичующей сатиры, дающей уничтожающих эпиграмм с легкостью... приспосабливается.

Произведение А. П. Чехова, повторяю, написано очень литературно и умно, свободно от рутин и шаблонов, но слабо разработано в смысле развития действий, крайне сжато и, если не считать Нины Михайловны, лишено живых лич, определенных характеров, настоящего жизненного движения.

«Все роды искусства хороши, кроме скучного»,—сказал в свое время великий мыслитель и скептик Вольтер, а в комедии А. П. Чехова столько томительной скуки, что хоть отбавляй, и эти, пожалуй, объясняется ее неуспех на столичных сценах.

II.

В декабрьской книжке «Русского Богатства» выдана талантливо написанная повесть начинающего автора. А. И. Бурнина, «Молох».

Молох—это наша быстро прогрессирующая обрабатывающая заводская промышленность, колоссальные заводы, доменные печи, громадные машины; все то, что «перерабатывает», поглощает труд, силы, здоровье и самую жизнь сотен тысяч рабочих. Автор с увлечением, захватывающей страстностью мыслящего

и глубоко чувствующего человека рисует контраст за контрастом и старается доказать, что прогресс в технической области и прогресс вообще приносят выгоды и известные жизненные блага только заправляющим предприятиями, а не труженикам, не тем, кто отдает всего себя на титаническое сооружение громадных капиталов, позволяющих предаваться безобразным оргиям и публичному, ничем не замаскированному распутству в то время, когда рабочие массы живут в самых невозможных условиях, получают грошевую плату и не гарантированы от несчастных случайностей.

Вопрос не новый и значительно отдающий стереотипным призывом «назад», вопреки простым экономическим соображениям.

Истинный капитализм, т. е. накопление средств в руках только одного какого-либо семейства, не может, конечно, способствовать особому процветанию народной экономики, но полезность и необходимость промышленных предприятий нельзя огульно отрицать, хотя бы потому, что они, с одной стороны, делают громадную страну независимой от влияния более культурных, более предприимчивых и более пахлящих на наживу соседей, а с другой—потому, что они кормят сотни тысяч народа, оторванного различными экономическими пертурбациями от главнейшего фактора своего существования—земли. Правда, «корить» не из важных, но все же корить, все же точка опоры для работника и его семьи.

Лишите любую страну собственных промышленных предприятий—и она превратится в жалкую игрушку в руках соседей или в полного банкрота.

Отыщите у рабочего его черствый кусок хлеба—и он станет пищей. Очевидно, здесь существует известная связь, быть может, связь не вполне нормальная, созданная искусственно, но необходимая в интересах всей страны, едва начавшей серьезную культурную работу.

Что положение заводских и фабричных рабочих недостаточно урегулировано,—известно не сегодня, но лучшая часть общества стремится создать нормальный рабочий день, отвечающее сумм труда вознаграждение, сколько-нибудь удовлетворительную жизненную обстановку, больницы, школы, страхование от несчастных случайностей и. нужно надеяться, практическое осуществление этих вопросов подымет до надлежащего уровня быт рабочих масс, потерявших связь с землей.

Во всяком случае, повесть г. Бурнина, вероятно, не пройдет не замеченной в среде живущих и наслаждающихся за счет результатов чужого труда и поднимет разрывшиеся перечисленных нами вопросов, ищущих уже свою обширную историю и литературу.

Роландь.